ЮЛИЯ РОЖКОВА

ГЛАВНЫЙ КОЗЫРЬ

Юлия Рожкова

Главный козырь

«Издательские решения»

Рожкова Ю.

Главный козырь / Ю. Рожкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901395-8

Подстава была виртуозная, просто мастерская, действительно статьи были написаны моим стилем, материал изложен в моей манере, но кто мог так хорошо знать нюансы? Кто сделал это и зачем?

ISBN 978-5-44-901395-8

© Рожкова Ю.
© Издательские решения

Главный козырь

Юлия Рожкова

© Юлия Рожкова, 2017

ISBN 978-5-4490-1395-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы можете подумать, что это история обычной дружбы между двумя обычными мужиками. Да, наверное, так оно и есть, хотя на все можно смотреть по-разному. И, потом, хочу оговориться сразу, Валет никогда не был обычным в том понимании слова, которое лежит где-то на границе с тривиальностью и стереотипом. Валет. Валерка Томин. Валерий Леонтьевич Томин, если на то пошло. Мой самый лучший друг. Теперь уже бывший. Черт. Почему мне на ум пришла вся эта история? Почему она пришла мне на ум именно сейчас? Уж конечно не потому, что мы разошлись с Еленой. Нет, не развелись, поскольку оба считаем себя несколько староватыми для таких жестов. Наверное, я просто устал. Чертовски устал, не прожив еще половины. Жизнь ли потрепала, сам ли надломился и начал прогибаться, как знать? Просто попал в какой-то клинч и все.

Конечно, недостойно здоровому, сильному и более-менее стабильному мужику разводить такие сопли, но почему-то сейчас мне стало на все наплевать. Именно поэтому я сижу сейчас как сыч в своей однокомнатной квартирке на Фрунзенской набережной, пью коньяк и вспоминаю… вспоминаю…

Новенький диктофон, поблескивая металлической полировкой, ждет меня, но я еще не готов включить его. Не готов.

Воспоминания нечетки и обрывочны. Так, всплывают какие-то рваные эпизоды. Да и не мастак я рассказывать. Ну и ладно. Когда же я впервые увидел Вальта? (Валета, вообще-то, ну уж позвольте склонять его кличку в разговорном стиле). А, да. Мы с родителями получили новую квартиру в районе Таганки. Я был жутко расстроен, поскольку менялся круг общения – школьные друзья, дворовые приятели. Мне было 13 лет, поэтому, что и говорить, я уже был кое-каким авторитетом, что в школе, что на улице, а тут… Вообще-то родители у меня хорошие, особенно отец. Он тогда был одним из тех первых предпринимателей-пионеров, которые довольно успешно организовывали свой бизнес, умело лавируя в море налогов, рэкета, курса доллара. Это сейчас все просто, а тогда… Вообще, мой отец – молодец. Правда, он всегда любил выпить, да нет, не то чтобы надирался, а так, снимал стресс. Но без запоев и всякой такой похмельной чернухи. Ну и насчет женщин, конечно. Тогда в 13 лет я только-только начал понимать кое-что. Но все равно, он молодец, и я его люблю. Сейчас он старый совсем. Мама… Моя мама была врачом. Настоящим врачом-хирургом в городской больнице. Со всякими там научными степенями и ночными дежурствами. Умная женщина и очень сильная. Папина зарплата давала ей возможность заниматься любимым делом. Может быть поэтому на кое-какие вещи она смотрела сквозь пальцы. Может просто любила отца, хотя всегда была несколько холодновата. Но в целом они были довольно благополучной парой, нашедшей компромисс и вполне довольной друг другом. На меня давили не сильно, то есть не пихали во всякие музыкальные школы и спортивные секции. Так вот, когда мы переехали, две из четырех квартир на лестничной клетке были заняты. В одной жила какая-то многодетная семья, главой которой была вздорнейшая старуха, баба Сима. Я сразу ее невзлюбил, от нее вечно пахло луком и просто разило приближающейся склокой. Во второй квартире жила молодая пара физиков-ядерщиков, рассеянных и полуинтеллигентных.

И вот потянулись недели бесконечного ремонта, перестановок, перебранок с рабочими, которые драли с отца три шкуры. Все эти разговоры – поставить кровать вдоль или поперек, как постелить ковролин, да какие поклеить обои достали меня очень быстро. К тому же я был зол, что меня не отправили в пионерский лагерь. Поэтому в один из таких развеселых денечков отправился во двор прогуляться. Настроение было паршивое. На лестничной клетке я наткнулся на мальчишку моего возраста. Дядька в военной форме, очевидно его отец, негромко, но как-то четко и очень властно разговаривал с грузчиками. Ага, новые соседи. В общем, пробегая мимо мальчишки, мне показалось, что он меня толкнул. Хотя, наверное, это я его толкнул, поскольку довольно быстро пробегал по темному коридорчику, мечтая скорее попасть на улицу. Короче, мы подрались. Разнял нас дядька военный. «Иди домой», – сказал он сыну, и тот беспокойно на меня взглянул, но подчинился. Дядька наклонился ко мне:

– Это кто же у нас такой боевой? Ну, чего молчишь? Как тебя зовут-то?

– Егор, – промямлил я.

– А, Георгием, значит. А я – Леонтий Иванович.

Тут я немножко фыркнул – подумаешь, Леонтий. Но все-таки его военная форма вызывала мое уважение. Этот Леонтий Иванович был такой высокий, сильный, подпоясанный кожаным ремнем. А у моего отца была лысина и пузо, и не было никакой формы. Но все равно мой папка лучше и зовут его не каким-нибудь Леонтием.

– Тебе сколько лет, Егор? – продолжал Леонтий Иванович.

Я колупнул нос:

– Тринадцать.

– И моему Валерке тринадцать, – обрадовался Леонтий. – Ладно, беги, сосед, – он хлопнул меня по плечу.

Приближалось 1 сентября. Я ждал и боялся этого. Ждал, потому что мне уже хотелось в школу – надоел бесконечный ремонт, хотелось пообщаться со сверстниками, такими же мальчишками, как я. И боялся того, как меня эти мальчишки примут. Соседского Валерку видел пару раз, но мы с ним не разговаривали. То 1 сентября запомнилось мне какой-то неестественной торжественностью. Я очень стеснялся в глупом синем костюмчике и с идиотским букетом метровых гладиолусов. Было так стыдно. Мать хотела пойти меня провожать, но я разорался – мне тринадцать лет, а не пять, и все такое. Разорался, но трусил ужасно. В лифте столкнулся с соседским Валеркой. Он был одет чистенько, но я презрительно покосился на его уже совершенно не модные, прямо-таки лоховские джинсы. Но впрочем, я ничего против не имел – двое все-таки не один. К тому же выяснилось, что учиться мы будем в одном классе. Не восторг, конечно, но с другой стороны, на его прямо-таки провинциальном фоне я выглядел суперменом. Даже свои гладиолусы, которые выглядели по-королевски против его чахленьких астр, нес гордо.

Нам с Валеркой досталась одна парта, чуть ли не первая, поскольку элитные места на галерке давно уже заняли старожилы. Правда, новичков было довольно много – из тех же новостроек. В общем, все прошло довольно сносно. Но в последующие недели стало твориться что-то невообразимое. Валерка в своих старых джинсах и стоптанных кроссовках постепенно завоевывал авторитет среди ребят. Он не только мог за себя постоять, поскольку дрался не просто хорошо, а как-то бесшабашно-отчаянно, он был прекрасным рассказчиком. Его мать умерла, и Валерка с отцом-военным объездил полстраны. Впечатлениями он делился охотно, приукрашивая рассказы неожиданными подробностями. А чувство юмора? Господи, Валерка мог рассказать любой сто раз слышанный бородатый анекдот так, что все просто лежали и писали кипятком. И при этом делал такое наивное лицо – мол, чего это вы ржете, я даже не понимаю. Именно тогда, в школе, чуть ли не с первого дня, когда учителя записывали в классные журналы не только имена, но и отчества с фамилиями, к Валерке намертво приклеилось прозвище – Валет.

Валерка учился хорошо, даже с каким-то рвением и прилежанием. Мне, да и не только мне, было непонятно почему. Тринадцать лет. Чего там, такие крутые парни. Мы уже говорили не только о том, у кого какая будет тачка, у кого сколько зарабатывает отец, да какой мобильник или там компьютер круче. Уже тогда мы, мальчишки, начали с интересом поглядывать на девочек, многие из которых ходили в школу в коротеньких юбочках из модного вельвета и блузках, под которыми угадывались очертания бюстгальтеров. Какие там оценки, тройки-пятерки. Да и вообще, в нашей мальчишеской среде считалось чуть ли неприлично быть отличником, что сразу переводило тебя из разряда крутых парней в слюнтяи-ботаники. Но Валет был исключением из правил. Он заставил себя уважать, заставил признать свои пятерки. Если что, мог и врезать. Впрочем, он никогда не отказывался поучаствовать в полулегальных забавах – подраться с этими наглыми пижонами из 7«Б», полистать порнографический журнальчик в раздевалке перед физкультурой, выкурить сигаретку из украденной мной у отца пачки. И все-таки что-то было с Вальтом не так. Конечно, парень он был что надо – отчаянный и все такое. Но слишком часто приходил он в школу с синяками, фингалами, а однажды даже в гипсе – сломал левую руку. На все вопросы Валерка хмурился, отмалчивался или так – упал, мол и подрался. Упал, ха-ха. Учителя грозились поговорить с его отцом, но тянули, поскольку учился он хорошо, а для них ведь что главное, а… да что там. И только я один знал в чем дело.

Его отец, тот самый Леонтий Иванович, крепко пил. Ну вроде пил и пил – мой батяня тоже пил, и что из того. Но мой батяня был успешен, а Леонтий, приехав в Москву, ушел на гражданку. Однако, на этой самой гражданке тепленького местечка ему никто не приготовил. Да и кто позовет к столу, если все посадочные места уже заняты. И вот Леонтий, привыкший все вопросы решать с позиции силы, облажался. Ну, типа, против лома нет приема. Против лома-то, конечно, нет приема, если нет в кармане танка. То есть нашлась другая сила, где грубая работа героя-военного с большими звездами на погонах просто не прокатила. Вот такой вот полный звездец. Обломался Леонтий и сломался. Ну и вымещал свою мужскую несостоятельность в финансовых, конечно, вопросах, на сыне. Может Леонтий и был солдафон, но он был далеко не дурак, и видел, во что одеты другие дети, на каких машинах ездят их отцы, в каких шубах матери ходят на родительские собрания. А у Валерки даже паршивого компьютера не было.

Видел, все видел Леонтий, да только сделать ничего не мог. Уровень не тот или воспитание другое, черт знает. Устроился охранником – выперли из-за пьянки, пошел чего-то там сторожить – ввязался в драку да кому-то не тому врезал – еле отмазался. Но все-таки на самое дно не опускался – из-за Валерки, хотя бил его смертным боем. Конечно, мы, соседи, все видели, да что сделаешь. Физики-ядерщики вообще ничего не замечали кроме своих протонов, мои родители предпочитали не вмешиваться, типа, «в каждом дому по кому». Только баба Сима, у которой тот же Валерка, вместе со мной, конечно, воровал газеты из почтового ящика, да отключал лифт, когда она поднималась со своими кошелками в руках, встала на его защиту. Пару раз даже вызывала милицию. Да только ничего не вышло.

Валерка стоял намертво – упал, мол, и ничего не знаю, а отца и близко не было. Мы тогда с ним здорово сдружились, и я спросил, чего он так за своего отца стоит, если тот его до смерти лупит? Валерка покраснел тогда и сказал, что любит отца, да и в приют неохота, родственников-то нет. Я не понял тогда ничего – его бьют, а он любит, вон как. Валерка и меня просил молчать в школе про эти дела, ну я и молчал. Все равно не понимал его. Мои предки меня никогда не били, считали, что это непедагогично. Орали, конечно, но не били.

Но один эпизод меня прямо-таки убил. Шел дождь, и я сидел дома за компьютером. Дома была только мать. Я уже почти раскидал всех терминаторов на четвертом уровне – какой там Пушкин, на фиг, с Достоевским к завтрашней литературе, и тут меня позвали к телефону. Валет.

– Привет, Егор, не зайдешь ко мне? – голос у него был как из могилы.

– Да ну… – я не любил ходить к нему, в их убогую, прямо-таки казарменную квартиру с минимумом мебели… Давай ко мне.

– Есть дело, – сказал он и повесил трубку.

– Куда? – спросила мать, выглядывая из кухни.

– К Валерке.

– Недолго, – мать настороженно относилась к таким визитам, зная о выходках валеркиного отца, хотя со всеми соседями тот был очень вежлив. Холодно и подчеркнуто вежлив. Дверь долго не открывали. Когда же Валерка открыл, я обалдел. Он был белый-белый и пошатывался, как-то не мог сфокусировать на мне взгляд, из носа и ушей у него шла кровь. Он слабо кивнул мне, чтобы я прошел, а когда я это сделал, закрыл дверь и привалился к ней спиной, а потом медленно сполз на пол. Я испуганно позвал:

– Валер, Валерка, ты чего?

Он медленно поднял голову.

– Отец?

Он кивнул:

– Слушай, Егор, пойди в ванную и разбей там лампочку.

Я офигел:

– Чего сделать?

– Меня баба Сима видела, сейчас менты приедут.

– Ну?

– Не врубаешься? – он посмотрел мутно и отер капающую из носа кровь. – … Я же вроде как опять упал. Ну, и чтоб для достоверности – в ванной темно, скользко…

– Не поверят, – засомневался я.

– Поверят, не поверят! – хрипло выкрикнул Валет. – Поди раскокай чертову лампочку и выброси осколки. Я сам не могу – здорово он меня отделал, – он опять уронил голову на грудь, а потом добавил тихо-тихо, – … а то его посадят.

Я сделал, как он сказал, а потом позвал маму. Она почти не изменилась в лице, когда увидела Валерку. Почти.

– Егор, помоги, – резко сказала она и побежала к нам. Вернулась очень быстро со своим медицинским чемоданчиком. Мы вдвоем перетащили Валерку на кровать. Мама сделала Валерке укол в вену, я не мог на это смотреть и вышел в коридор, однако слышал, как мама говорила своим резким, хрипловатым от курения голосом:

– Сотрясение мозга. Все равно рентген надо делать. Милиция приедет? Я все расскажу.

И тут заговорил Валерка:

– Нет.

– Что нет?

– Я упал. У нас в ванной лампочка разбита. Вот я и упал. На кусок мыла наступил.

– Чего? Да любой врач подтвердит факт побоев. И я как врач подтвержу.

– Лариса Васильевна, – Валерка впервые назвал мою маму по имени отчеству, – ну, пожалуйста, я просто упал. Упал и ударился головой. Я все равно так скажу. И милиции, и всем…

– Нет, это черт знает что! – воскликнула моя мама, и тут в дверь позвонили.

Я открыл дверь и впустил двоих ментов.

– Что здесь происходит? – поинтересовался один.

– Я не знаю, – честно ответил я.

– А ты кто?

– Сосед.

– А кто милицию вызвал?

– Другие соседи.

Тут в прихожую вышла моя мама. Она тихонько о чем-то поговорила с ментами. Потом мы все гурьбой прошли в комнату, где лежал Валерка с уже перевязанной головой.

– Что случилось? – опять спросил один из ментов. Валерка переглянулся с моей мамой, длинно-длинно так на нее посмотрел, а потом начал рассказывать про то, как собирался помыться, а в ванной не было света, и как он упал, и ударился головой о кафель, как его увидела соседка по лестничной клетке и вызвала милицию. Валерка рассказывал спокойно, складно и правдиво. И моя мама не сказала ни слова, ни единого слова.

– Опять ложный вызов – бросил один из ментов.

– Нет, погоди, Саня, – другой глянул остро. – В эту квартиру уже вызывали по подобному поводу. Что-то ты, парень, часто падаешь? Ты с отцом живешь?

– Да, но он на сутках.

– Я позвоню ему.

– Не надо. Лариса Васильевна уже звонила, – он опять длинно посмотрел на маму, и та опять промолчала, говоря всем своим видом: «Это черт знает что».

– Ничего не хочешь добавить? – опять задал вопрос въедливый мент.

– Нет.

Потом Валерку увезли в больницу, где он провалялся две недели. Переживал ли об этом его отец? Пожалуй. Все эти две недели, пока Валерка отдыхал в больнице, он не пил. Ну, то есть это я так думаю, во всяком случае, я не видел его пьяным. Хватило его, впрочем, ненадолго.

После этого случая Валерка изменился. Нет, изменилось не его отношение к отцу, просто сработали некие инстинкты самосохранения. Валет записался в секцию дзюдо. Вернее, сначала мы ходили туда вместе. Да какое вместе – Валерка заразил этой секцией полкласса. Но бесконечные тренировки, ненужные синяки и расквашенные носы, непонятная философия – это извините. Вокруг кипит жизнь, столько соблазнов, прогресс несется вперед бешенными скачками, короче, спорт не актуален. Но Валерка заболел дзюдо всерьез. И я знал, что для него это – вопрос жизни и смерти.

– В следующий раз батяня не ограничится мордобоем, – сказал мне Валерка на резонный вопрос, какого черта он так бездарно тратит свободное время, – … засунет перо мне под ребро, – криво усмехнулся он. – Да нет, он неплохой мужик, не повезло.

– По-моему, это тебе не повезло, Валет.

Валерка присвистнул:

– Дурак ты, Жора.

Да, я понимал и не понимал его, но это было неважно. Неважно, потому что я хотел находиться рядом с ним, слушать его бесконечные рассказы о Севере и Дальнем Востоке, где он жил вместе с отцом. И я никогда – ни тогда, ни позднее, не задумывался о том, хороший человек Валерка или нет. Это тоже было неважно. Он был мне интересен, притягивал как магнит. Я заразился им, как заражались после многие, но у меня, похоже, не было иммунитета против этой болезни. Впрочем, существовала и обратная связь. Валерка привязался ко мне. Я стал его другом, пожалуй, что единственным другом. Валерка-Валет – человек-фейерверк – был одинок. Все эти годы, всегда, он был отчаянно, я бы сказал клинически одинок. Но знал об этом только я.

Все лето Валерка с отцом работали – что-то разгружали на железке. Конечно, нельзя эксплуатировать детский труд, но широкоплечий Валерка со своими метр девяносто запросто сошел за шестнадцатилетнего, а паспорта там не спрашивали.

Меня предки увезли в Сочи, где я маялся от безделья. Под конец каникул просто выть хотелось, и опротивело мне это море да пляжные развлечения в виде глупых аттракционов. Я скучал по Валерке, мне не хватало его. Тогда я не очень-то сознавал это, но теперь… Да, теперь я знаю точно, я скучал. Именно тогда я начал писать стихи. Под этим южным солнцем я как-то осоловел. Мыслей в голове не было абсолютно, поэтому я развлекался тем, что рифмовал

слова, просто любые слова, пришедшие на ум от балды. Слова выстраивались в некие фразы – рифмовать становилось интереснее. Короче, в Москву я привез толстую тетрадку со своими, блин, произведениями – отстой полный: «…море голубое… и все такое родное…», и прочий бред. К тому же я жутко стеснялся – четырнадцатилетний парень, весь такой из себя царь горы, со стальными нервами, крепкими кулаками да компьютерным мозгом пишет стихи – смешно… Однако, где-то в глубине души, я страшно собой гордился. Все-таки я не утерпел и поделился своими успехами с Вальтом. Боялся его насмешек, но он не засмеялся, а попросил почитать.

– Да ты читать-то не умеешь.

– На себя посмотри – давно с пальмы слез?

– Хочешь в глаз?

– Я тут собираюсь пойти в одно место – на х…, не составишь мне компанию?

После лета Валерка здорово изменился – возмужал, осунулся, много курил и матерился. Он уже давно жил какой-то другой, взрослой жизнью, но сейчас это стало заметнее. И все-таки я видел, что курит и матерится он как-то через силу, пытаясь за коконом грубости скрыть свои обычные комплексы четырнадцатилетнего мальчишки. Валет вернул тетрадку через день. Я с нетерпением ждал его приговора: обсмеет? будет презирать? перестанет общаться?

– Ну, что отметим? – ошарашил он.

– Ага.

Мы взяли пива и каких-то там чипсов.

Вообще, Валерка не любил пить – режим спортсмена, но, думаю, дело было не только в этом. Он боялся, боялся наследственности, как бы глупо это не звучало.

Мы протопали на детскую площадку и уселись на качели. До сих пор помню – конец августа, сумерки, вечер и эти скрипучие качели. И мы на них пьем пиво.

– Прочел? – начал я, внутренне содрогаясь.

– Прочел.

– Ну?

Валерка отхлебнул пива и посмотрел странно:

– Что думаешь делать?

Я не понял ни вопроса, ни этого странного взгляда, поэтому ждал продолжения, но Валерка молчал.

– А что делать?

– Ну… не знаю… это здорово.

Я ошалело на него уставился:

– Ты шутишь?

– Эх, Жора. Ты куда поступать собираешься? – неожиданно залепил он.

– Озверел что ли? Три года еще учиться.

– Ну, это кому как, – усмехнулся Валет.

– Не понял.

– Отучусь восьмой, и баста.

– Сдурел?

– Да нет, Жора. Работать надо. Ну то есть хочу учиться и работать. Тут медицинское училище рядом, работы в городе навалом.

– Врачом намылился, Валет? – прищурился я.

– Ну, это вряд ли. Этим, фельдшером. Мать моя хотела.

– Ты же гордость нашего класса.

– А… – махнул рукой Валет, – …ты лучше мне скажи, будешь еще писать?

Я пожал плечами.

– Придурок ты, Егор. У тебя так здорово получается. Неужели бросишь? Есть же институты, ну, где этому учат, на какого-нибудь писателя. Тебе отец поможет поступить… – Валет вздохнул.

– Точно, вот только фамилия у меня не Толстой.

– Это, Жора, не важно

Мы долго еще сидели тогда в этот августовский вечер – качели скрипели, пиво горчило, сгущались сумерки, а мы сидели и болтали. Болтали про все и ни о чем. И это было здорово.

Писателем я, конечно, не стал, но разговор этот врезался мне в душу и, в конце концов, профессия моя завязалась-таки с писаниной, но об этом позже.

Последний год мы учились вместе с Вальтом, и, опять же, только я знал о его планах. Все наши ребята и учителя были уверены, что Валет с его способностями прямиком попадет в МГУ. Однако, по иронии судьбы, в МГУ попал я. Впрочем, quit pro quo (одно вместо другого), только Валет был в курсе моего рифмоплетства. Этот год я помню очень хорошо – вроде бы прошло всего ничего, а как поменялись приоритеты. Компьютеры, модные хиты, диски, шмотки, учеба – все как бы отходило на второй план под легким, но таким ощутимым напором сексуальности, а попросту говоря, подростковой гормональной бури. Разговоры, намеки, мысли – все было только об этом. Девочки наливались соком юности, у мальчишек ломались голоса. Мои стихи стали полны какой-то наивной похоти, а простыня по утрам частенько бывала в подтеках. Наши девчонки были влюблены в Вальта поголовно и повально. И совсем не потому, что он был самым красивым, хотя он был интересен. Но сила обаяния, да и не в этом суть. Он повзрослел гораздо раньше всех нас, и эта ранняя взрослость чувствовалась во всем. И все-таки возникла одна закономерность, которая прослеживалась потом на протяжении всего нашего общения. По сравнению со мной, Валет был красивее, обаятельнее, умнее, точнее, остроумнее. Он был увереннее в себе и от него исходила такая сильная энергетика, в том числе и сексуальная, что просто голова шла кругом. Но в любой компании девчонки, девушки, женщины выбирали меня. Да, именно так. Западали на него, но выбирали меня. И черт его знает почему. Да, женщины выбирали меня, но потом уходили к нему. Всегда уходили. Наверное, мы оба были в чем-то ущербны. Да, наверное так.

Не знаю, отчего так получалось, может экстремальные условия формировали характер Вальта, может от рождения он был таким – пробивным и упертым, да только он всегда получал то, что хотел. Я лишь следовал за ним, как ниточка за иголочкой, но ничего не имел против такого расклада. Да, в общем, и понятно. Ему нечего было терять, потому что он ничего не имел. У меня же всегда была некая защищенность – благополучная семья, родители и все такое, ну, вы понимаете.

После восьмого класса Валет поступил, как и хотел, в медицинскую путягу – на фельдшера. Все учителя были, конечно, в шоке, но он сделал свой выбор. Отец его, Леонтий, был зол как черт, поскольку видел Вальта, естественно, в погонах… Так или иначе, но вразумить Вальта проверенными методами уже не мог. Ну и пошел на попятную… Валерка и работу нашел – сторожем в детском саду. Но все это было после. А сначала было лето. Пожалуй, лучшее в моей жизни.. Леонтий договорился с родственницей какого-то своего бывшего сослуживца, и мы поехали в деревню. В Тверскую область. Самое интересное, что мои родители, которые тряслись надо мной как над тепличным растением, с Валеркой отпустили без звука. Он внушал им доверие. Что ж, резон. Это было так здорово. Мне так нравилось все: и природа – плакучие березки, и ворчливая бабка Рая, и мутноватая речка. Какое там на фиг море? Но главное, мы были вместе с Валеркой. Тогда для меня, четырнадцатилетнего мальчишки, Валет стал просто кумиром. Да, я хотел походить на него. Не на Юрия Гагарина или там Била Гейтса, а на такого же мальчишку. Ему льстил мой телячий восторг, но иногда он болезненно передергивался:

– Зря ты, Жорка, напрягаешься. Разные у нас дорожки.

– А чего это разные? Мы же друзья. Разве дружба, если она настоящая, не на всю жизнь?

– Ну, это конечно. А… пошли купаться.

Да, все это лето было пропитано тем мальчишеским задором, который, с годами угасая, переходит в некую солидную степенность. Эта жизнь, деревенская суета будоражили меня необыкновенно. Голые по пояс, мы с Валеркой пилили дрова или чего-то там копали до прозрачных пузырей на заскорузлых ладонях. У меня мозоли! Ходили на рыбалку, шлепая по ледяной росе, окутанные предрассветными сумерками. Разжигали дымные красные костры и, покуривая местные вонючие сигареты, смотрели на звезды. Слушали блатные песни на старом валеркином кассетнике. Мы лазили за огурцами в чужие огороды. Хотели огурцов? Своих навалом. Нет, сам процесс, поймают – не поймают, а огурцы – трофеи. Однажды отлили у бабки Раи самогона. Гадость жуткая. Валерка так и сказал, но слукавил, потому что это тоже был некий ритуал, преодоление запретов. Ходили на дискотеки в соседнее село, за четыре километра от нашего. Пару раз дрались с местными ребятами – кто в доме хозяин. А потом подружились с ними, и в этом тоже была заслуга Валерки. Воспоминания о том лете сохранились у меня очень яркими, и я берегу их как некую драгоценность. Тем летом закончилось мое детство. Было очень грустно – наши пути с Валеркой расходились, хотя еще какое-то время шли в параллель. Теперь за партой я сидел один. Вальта я видел все реже. Он учился, работал, ходил на дзюдо. Да, Валет теперь не жил с нами на лестничной клетке. Ушел в общагу. Вы спросите почему? Его отец нашел себе спутницу жизни – молоденькую барменшу Риту, и в однокомнатной квартирке стало тесновато. После ухода Вальта все мы были уверены, что Леонтий сопьется, поскольку на краю его удерживал все тот же Валет. Но вышло по-другому – Валет своим уходом как бы развязал Леонтию руки. И дело тут совсем не в Рите. Валет снял со своего отца груз ответственности. И понимал он это лучше всех. Однажды мы опять вернулись к этому разговору – бьет, но я люблю. Мы сидели у меня после школы, путались в геометрии. Я опять спросил:

– Валет, ну какого черта ты прощаешь отцу?

Валет смял конспекты:

– Я не знаю, я просто не знаю. Когда мать моя умерла, были похороны и все такое. Мне было шесть лет. шесть лет, понимаешь? Тогда я впервые видел отца пьяным. Я плакал, сильно плакал. А ее засыпали. Мою мать. Ну, конечно, он был пьян, сильно пьян. Он поглядел на меня и пропел, типа того: «… Тебе я не желаю зла, но смерть бывает не права». Я тогда не понял. Теперь понимаю.

Я глядел на него почти с ужасом:

– Брось, Валер…

– Да, хоть брось, хоть подними…

До сих пор я помню его лицо – заострившееся, с темными прядями, упавшими на лоб.

Почему сейчас я думаю об этом?.. Не хотелось бы впадать в чернуху, но голова гудит, я выпил таблетку аспирина и думаю об этом. В моем детстве, юности не было надрыва, я катился по жизни по инерции, и вся эта чернуха вызывала у меня отвращение. Да, я боялся испачкаться и все же стремился к этой грязи. Зачем? Шут его знает.

Ладно. Потом я редко видел Вальта. Разговоров о нем ходило много, но я как-то отошел от него. Учеба, раздолбайский досуг, первая любовь. А он был где-то в другом мире. Мы виделись, конечно, виделись. Но урывками. Валет выглядел голодным, тощим и замотанным. Но не сломленным. Да, меня, мальчика, воспитанного под лозунгом: «Как бы чего не вышло», предостерегали от таких сомнительных знакомств. Но я хотел видеться с Вальтом. Он рассказывал о своей учебе – уколы в вену на макетах, препарирование трупов, кровь из пробирки на анализ.

Я фигел – как можно жить в общаге, как можно ночами работать? Мне все это казалось диким, нереальным. Но это было так. Для Вальта. Мы отдалились. Про него ходили жут-

кие слухи. Из них следовало, что, по крайней мере, четверо девчонок из общаги беременны от Вальта. Но это была неправда. Кодекс чести военного в отношении женщин Леонтий передал и своему сыну. Чтобы там ни говорили про солдафонов-военных, но в отношении женщин, несмотря на гарнизонное блядство, кодекс был четок и неумолим. Это шло откуда-то из гусар и прочей муры.

Мы отдалились. Нет, не то, чтобы нам было не о чем поговорить. Иногда мы встречались, и я по-прежнему, смеялся анекдотам, рассказанным Вальтом, мы по-прежнему, строили планы на будущее и обсуждали соседских девчонок. Но это было не то, не то… Отдалились мы по другой причине. Мы вращались как бы в разных слоях. Как ни крути, а путяга, хоть и с престижным названием – колледж – все равно оставалась путягой. И, по сравнению с десятым-одиннадцатым классами школы, стояла на ступень ниже, просто по определению. Мой мир был другим – сотканным из компьютерных игр и дисков, модных шмоток, института в перспективе. В этом мире не было места всяким Вальтам. Но меня тянуло к нему. И где-то в глубине своего еще детского сознания, я понимал всю чудовищную несправедливость положения, в котором оказался Валет. Я – тут, а он – там. Понимал это и сам Валет, и сказал как-то в юношеском запале:

– Знаешь, Егор, а у меня все равно все получится. Может я дурак и теплого места мне в институте никто не пригрел, а я все равно поступлю и заработаю много денег, куплю тачку как у Вовкиного отца, и дачу и… не знаю что…

Все это звучало пафосно и по-детски, но вы не знали Вальта. А я вот ни минуты не сомневался, что все будет именно так, как он сказал. Я тогда страшно обиделся, ну, про теплое местечко в институте. Потому что учился я не ахти, но очень надеялся на своего папашу. Он, конечно, орал на меня, обзывая ленивым раздолбаем, но я-то знал, что в случае чего на него можно положиться. Мать морщилась и не понимала, как это я путаю Чехова с Тургеневым, а я зависал в Интернете, воровал кассеты с легкой порнухой из отцовского ящика стола и балдел под какие-нибудь клевые диски. Да нет, я не был испорченным, но мне хотелось им казаться хоть чуть-чуть. Достало это мнимое благополучие. Отношения между родителями тогда стали несколько холодноватыми, однако внешне поддерживалась иллюзия некой сусальной сказки. Поддерживалась ради меня. Ну, что б не травмировать ребенка, и все такое… Смешно и глупо.

Жизнь неслась с бешенной скоростью. У меня появились новые друзья, новая подружка. И все-таки моим единственным другом был Валет. Виделись мы урывками. Выглядел Валет плохо – похудел и даже как-то почернел. Без обычного налета спокойной самоуверенности он выглядел довольно жалко. Отстраненно я понимал, что живет Валет в общаге, плохо ест, учится, подрабатывает. Но я не хотел понимать и принимать этого, не хотел видеть Вальта таким. Да, виделись мы редко, но Валет незримо присутствовал рядом со мной. Я часто ловил себя на мысли, что в той или иной ситуации Валет поступил бы совсем не так. И эти мысли были неприятны мне. Хотя, если уж быть честным до конца, в те дни я мало задумывался о жизни, о себе, да и вообще.

Десятый класс подходил к концу, а в голове у меня гулял ветер. Однажды я пришел к Вальту в общагу. Всклокоченный Валет сидел на кровати, заваленной учебниками. Он выглядел невыспавшимся и помятым, Тогда он уже не работал сторожем, а устроился на подстанцию скорой помощи и ездил по вызовам как медбрат.

– А, Егорка, проходи. Кефир будешь? – И сказал он это с таким задором, как будто не сидел в потертых джинсах в обшарпанной общаге, как будто не слипались его глаза после бессонной ночи.

Может быть тогда, именно тогда я сказал себе: «Хочу быть таким как Валет. Почему у него получается, а у меня нет?» Хотя, чего уж там крутить душой, хватило моего запала ненадолго. Вот вам и нате – член в томате… Просто мне не нужно было рвать когти, а если бы и нужно было, я бы все равно не смог. Лень и разболтанность сидели во мне намертво. Но мне

совершенно не хотелось от них избавляться. Ну то есть абсолютно. Зачем? Ведь так приятно жить под теплым крылышком. Но была гордость за Вальта и была зависть. Ох, как я ему завидовал. Но поменяться с ним местами? Нет, уж увольте. Что б я недосыпал и питался булками с кефиром или там жарил «Pedigree Pal», вот еще. Не царское это дело. Пожалуй, и завидовал я некой, на мой взгляд, независимости Вальта. Ни тебе родителей под боком, которые вечно суют нос не в свое дело – что это за девочка, да покажи дневник. Ни учителей. Заработанные деньги, которые можно потратить как хочешь. Мне и в голову не приходило, что как хочешь деньги тратить Валет не мог. Я не понимал, что никакая это, на фиг, не независимость. Это был даже не стиль жизни, а стиль выживания. Валет, пятнадцатилетний мальчишка, никому не был нужен. Леонтий устраивал свою личную жизнь, и надо сказать довольно успешно, а других родственников у него не было. Должно быть, я выглядел полным идиотом, когда приходил к Вальту и рассказывал о новых дисках к новому компьютеру, о модных джинсах, которые мне купили предки, а я носить не стал – не понравились, о девочке, с которой ходил в кино. Валет слушал, казалось, с интересом, но иногда поглядывал недоуменно. Однако, никогда не указал на мою, мягко говоря, нетактичность. Похлопывал по плечу:

– Молодец, Егорка.

Но вообще, Вальта живо интересовала моя жизнь, как другой аспект его собственной. Какое-то природное любопытство удерживало его от черной зависти. А может просто его легкий характер позволял смотреть на весь расклад по-философски. Я бы так не смог. Поменяй нас тогда местами – ну и что бы я сделал – да захлюпал бы носом или драться полез, и все. А Валет уперся рогом, да и еще меня подначивал смотреть на негатив сквозь призму юмора:

– Слышь, Жор, вызывают нас в три часа ночи к бабке одной. Ну, мы к ней не раз ездили – давление скачет. Думали, опять криз и все такое. Едем, шприц дежурный наготове. Приезжаем: «Ну, бабуля, что случилось?» А она: «Сыночки, вы мне ногти на ногах не подстрижете?» Прикинь?

Я валился на его узкую койку, хватаясь за живот от смеха.

– А вот еще был случай…

И таких случаев мог рассказывать пачками, вынимая по одному, как карты из колоды.

– Кончай, Валет, я умираю.

– Нет, погоди умирать, а вчера что было…

После этих визитов мое настроение зашкаливало в плюс где-то на неделю. Я подзаряжался от Вальта, как от аккумулятора. И ведь он ничего не просил взамен, разве что немножечко дружеского участия – бесценок. Вальта продолжало интересовать мое творчество. Свои глупые наивные стихи я мог доверить только ему.

Эх, какой-то нескладный рассказ получается, вроде как и дружбы-то особой не прослеживается. Но это была дружба, может, не совсем к тому времени оформившаяся понятием. Да, тогда это были лишь эмоции. Нас с Вальтом неосознанно тянуло друг к другу как полюса магнита. Но мы уже не могли без этого общения, пусть редкого, пусть урывками. Да и трудно объяснить все это. Поэтому и рассказ выходит рваный да не круглый. Но не могу я кругло рассказывать о том, что наболело.

Одиннадцатый класс поставил меня перед дилеммой – куда пойти учиться? Честно говоря, я вообще никуда не хотел поступать. Отучившись одиннадцать лет в школе, я считал себя жутко умным и ученым. Но все уже было распланировано за меня и без меня.

Институт и точка, альтернативы никакой. «Не хочешь в институт, иди в армию», – резонно заметил мой отец. Но перспектива летать первый год от одной стены казармы к другой меня, разумеется, не прельстила. Тогда я сказал – ладно. Батяня мой располагал возможностями, прямо скажем, не хилыми. Поэтому у меня имелся выбор, да еще какой! Я не то чтобы прикинул хрен к носу или там проанализировал свои скромные возможности, но все же мозгами пораскинул.

Большинство, если не сказать все, из школьных предметов вызывали у меня тоскливое отвращение. Но у меня были кипы стихов, которыми восхищался Валет. Я сказал отцу, что хочу быть журналистом. Профессия казалась мне романтичной и гордо-независимой. Мой папка долго смеялся, а мама хваталась за голову – то за свою, то за мою. Но я был тверд как орех. В конце концов, мы все переругались, но потом предки махнули на меня рукой и осенью, не без старания моего отца, я уже был студентом журфака МГУ. Ни минуты я не сомневался, что Валет пойдет в медицинский. Так оно и вышло. Так, да не совсем. Валет поступил не просто в медицинский, а в военно-медицинскую академию. И совсем не в Москве, а в Питере. И тоже не совсем сам – помог Леонтий. Когда он мне об этом сказал, я выпал в осадок:

– Крыша поехала?

– Почти, – улыбнулся Валет, собирая вещи.

– Почему, Валера?

– Ну, мой отец хотел, чтобы я носил погоны, а мать – белый халат. Вот, пытаюсь угодить обеим.

– А сам-то ты чего хочешь, Валет?

– Мне все сгодится.

– Ага, одеть белый халат и на войну.

– Ну скажу я тебе, что хотел стать летчиком или там президентом, что изменится? – прищурился он.

– А… – я рукой махнул, – уезжаешь, жалко.

– Жалко, Жора, очень жалко. Увидимся. Ну, давай, заплачь еще.

– Так мне врезать тебе хочется, Валет.

– Ну, врежь.

Сказать, что мне не хватало Вальта, будет слишком пафосным. Но за это время он стал неотъемлемой частью моего окружения. И было как-то непривычно – ни позвонить ему, ни притопать в общагу. С другой стороны, наобщавшись с Вальтом, мне казалось, что я понял какой-то секрет его обаяния и смогу легко, используя это знание, стать эдаким рубахой-парнем. Но, черт возьми, разве можно влезть в чужую шкуру? Это поначалу в своей группе я пытался хохмить как Валет – штучки-дрючки, анекдоты и прочее. Ну и выглядел дешевым клоуном. Не было у меня того природного обаяния, что ли. Учеба давалась тяжело, я чувствовал себя глупым как пробка. Правда, нужно отдать должное моему разгильдяйству, институт – не школа, но так быстро перестраиваться я не умел. И опять я вспоминал, как занимался Валет.

Однажды я зашел к нему в общагу. Он сидел за столом и штудировал по учебнику какие-то кости в разрезах. Увидев меня, лишь рукой махнул досадливо – погоди, мол, не мешай. Я притулился на колченогом стуле и заскучал. От нечего делать, я принялся разглядывать Вальта. Вся его сгорбленная фигура выражала нетерпеливое напряжение. Он даже слегка постукивал кулаками о край стола. Скоро он кинул книжку мне на колени:

– На, проверь, – и начал шпарить абзац за абзацем, и не как-нибудь, а с латинскими терминами.

– Круто, – похвалил я его.

– Ни хрена не понимаю, – весело подытожил он.

Он был в этом весь – выкладывался до последнего. Не пониманием, так зубрежкой, не зубрежкой, так некой шальной интуицией. И вовсе не потому, что он не хотел понять, да просто тогда не было у него времени на это понимание. И опять я ловил себя на некой подлой зависти – и так человеку дано много, так еще, блин, и память прекрасная. Теперь-то я понимаю, что никакой особой памятью Валет не обладал. Всего лишь немного усидчивости и терпения, вот и весь секрет.

Учиться в институте, тем более в МГУ, было неплохо. Я как бы автоматически попал в некую элиту, круг, так сказать, «золотой молодежи» о которой много говорится, и которая

потом исчезает буквально в никуда. Группа попалась веселая. Все мы, благополучные мальчики и девочки, легко и по инерции катились по жизни, хихикали и изображали из себя эдаких тертых прожигателей жизни. И все равно я часто и с тоской вспоминал о Вальте. Все это окружавшее меня благополучие было неестественным как кукольный домик и вязким как патока. Я чувствовал, что настоящая жизнь проходит мимо, оставляя меня за бортом. Конечно, я благодарен своим родителям, что так долго ограждали меня от проблем, мариновали в сладком сиропе. Что мне это дало? Наверное, крепкую нервную систему, которая, однако, была абсолютно не подготовлена к адекватным ответам на мало-мальски пиковую ситуацию. Эх, журфак – козырные мальчики, рафинированные девочки – и руки прочь, здесь закрытая тусовка.

У меня появились новые друзья – да и не друзья, в общем-то, так, приятели-одиночки. Впрочем, с парнем из нашей группы, Витькой Кабановым, мы сошлись довольно крепко. У Витьки теперь своя турфирма, и сам он по полгода не вылезает с Канар да Багам. А тогда – худенький очкарик. Откуда что взялось? Конечно, Витька не мог заменить мне Вальта, а все-таки. Я часами рассказывал Витьке о Вальте, пока он не затыкал уши и не замахивался на меня томиком «Политэкономии»:

– Заткнись ты со своим Вальтом. Наверное, я умру от счастья, когда увижу его.

– Нет, ты умрешь раньше, – обещал я.

Приближалась зимняя сессия, но я особо не волновался. Мне было по фигу, сдам – не сдам. Кое-какие предметы откровенно хромали, а мне было плевать. В моей черепной коробке царили терминаторы, радужные и призрачные как мыльный пузырь перспективы каникул и Нового Года и прочая фигня. А еще я ждал Вальта. Он звонил мне пару раз и обещал приехать на каникулы. Почему же мне так не хватало его? Да потому, что рядом с Вальтом жизнь делала бешенные скачки и неслась галопом, а не тянулась вязкой паутиной. Я благополучно сдал сессию на трояки и, как в хмель, погрузился в нирвану расслабухи.

Я прождал Вальта все каникулы, но он не появился. Сроки наших сессий не совпали. И даже ехидный Витька Кабанов несколько раз прошелся по поводу моего кислого вида:

– Ну, что, не приехал твой Валет? Не расстраивайся, он, наверное, в Короли готовится, или нашел какую Даму.

– Пошел ты… Кабан!

– Ты чего, Жора, обиделся?

Я, конечно, обиделся. И еще мне было очень грустно. Гм, какое ребячество.

Валет появился в конце февраля. Высокий, широкоплечий, охрипший. Я был несколько разочарован, что он появился не в форме. Мне хотелось что-нибудь съязвить насчет погон и каких-нибудь там петличек.

– Соскучился? – спросил Валет, посмеиваясь.

– Была охота, – скорчил рожу я.

Мы обнялись.

– У своих был?

– Yes, of course.

— Твой отец ничего выглядит, – осторожно начал я.

Валет пожал плечами. Леонтий действительно, выглядел неплохо – моложавый, подтянутый. Он расписался с молоденькой Ритой и теперь старался держать форму.

– Ну что, в ресторан? – опрометчиво спросил я.

– А деньги? – в свою очередь поинтересовался Валет. – Я пустой. А, нет, погоди-ка, стипуха же. Но хватит только на кофейник.

– Угощаю, – сделал широкий жест я. Хотя мне стыдно было признаться, что за трояки стипендии мне не полагалось и деньгами меня до сих пор снабжал отец.

Валет глянул с интересом, а все равно повернул ситуацию так, что оказались мы в недорогом кафе «Ксения», в народе «Ксюша», он был хитер как лис.

Валет весело рассказывал, как они маршируют и режут трупы, совершают километровые пробежки на физкультуре, а потом исследуют кожно-мышечные рефлексы у лягушек. Валет рассказывал о казарме, в которой можно вешать топор, и по ночам стены дрожат от храпа. А я слушал и слушал, и буквально обжирался его рассказами. Я предложил взять водки, но Валет лишь рассмеялся и покачал головой. Я знаю многих, которые в такой ситуации стали бы подначивать: «Ты что, не мужик?.. А еще погоны одел…» и так далее. Но поймать Вальта на слабо было невозможно, ну, или почти невозможно. Зато он много и умело курил. Я тоже покуривал, но тогда еще больше для понта, нежели для кайфа. А вот Валет курил с удовольствием:

– Ну, что, Егор, покурим, а то так бросить можно.

Мои успехи были скромны, похвастаться особо нечем, поэтому я слегка борзел – вроде «лучшая защита – нападение».

– Как у тебя на личном фронте? – нагло спросил я, глядя в насмешливые глаза Вальта. И, вспомнив слова Витьки, добавил: – Не нашел еще пиковую даму?

Валет расхохотался, как хорошей шутке, и спокойно выпустил дым:

– Все барышни Питера у моих ног.

– Ну, конечно…

Валет приехал на три дня. От отца вернулся какой-то недоуменный:

– Во как. Отец денег дал.

Я заинтересовался:

– Ну, и ты взял?

Валет усмехнулся кривой такой усмешкой:

– Конечно, взял. А ты бы не взял?

– Взял.

– Ну и вот. Да-а… – Валет почесал в затылке. – Похоже, он действительно свою жизнь налаживает… Молодец.

– А ты того… Не обижаешься на него? – несколько настороженно спросил я.

Валет нахмурился, но лишь на мгновение:

– Вот если бы медкомиссию не прошел – пара ребер у меня неправильно срослись и это… вроде как хронический подвывих челюсти… Но, как тебе сказать, Жора, диагноз – годен. Про эти дела, – Валет сделал несколько энергичных жестов, изображающих мордобой, – никто не знает. – Он глянул на меня остро.

– Могила, – ответил я.

– Ну так вот, чего обижаться-то? Без обид. Да я и не помню уже ничего. И хватит об этом.

Я Вальту не поверил.

Валет уехал. Так и не познакомил я его с Витькой. В тот раз нет. Я не хотел ни с кем делить Вальта, хотя там, в Питере, у него были свои друзья, свой круг общения, своя жизнь. Но здесь, в Москве, мне не хотелось плескать нашу дружбу. Вальту, похоже, тоже.

Опять потекли монотонные студенческие будни. Студенчество – светлая пора? Ну, не знаю. Учеба катилась по привычному кругу. Я еще не успел ни полюбить свою будущую профессию, ни свыкнуться с ней.

Я продолжал писать стихи и даже небольшие очерки, уже не стесняясь кое-что обнародовать.. Однако, мнение Вальта было для меня, по-прежнему, важно – его грубоватый юмор, но очень точные оценки. Но, конечно, главным было не это. Валет откровенно восхищался моей писаниной. Он восхищался тем, что было ему недоступно. И меня это дико радовало. Что я хоть в чем-то его превосхожу. Да, это была взаимная зависть, но зависть ироничная, без черной злобы. Напротив, мы отдавали друг другу дань… Так сказать, не достойно подражания, но достойно восхищения. Иногда Валет взрывал мою серую рутину телефонными звонками – он радостно орал в трубку про какие-то стрельбы, как какой-то пьяный прапорщик вышиб его с лекции, или делился с мрачным сарказмом, что у него в казарме украли деньги и что-то там

про паперть и собачьи консервы. И я радовался, злился и огорчался вместе с ним. Мы нуждались друг в друге, он – в моем спокойном пофигизме, я – в его яркой авантюрности.

Вообще, задумывая поделиться всей этой историей, я столько готовил цветастых фраз, столько громких слов держал про запас за пазухой. А сейчас понимаю, что, может быть, и не нужна вся эта цветистость. Но сижу перед диктофоном и говорю… говорю… Знаю, выходит плохо. А, и ладно…

Летом я не виделся с Вальтом – у него были какие-то сборы и работа. Я сам порывался съездить к нему в Питер, всего и делов-то, но не поехал. Я чувствовал, что буду там мешать ему. С ребятами с курса мы ездили на турбазу, сплавлялись на байдарках. Лето промчалось незаметно.

Теперь я думаю, когда же я познакомился с Еленой. В конце второго курса или начале третьего? Моя память так устроена, что я почти всегда хорошо помню события, но не привязываю их к определенным датам. Елена… Если уж подходить совсем строго, она и красавицей-то не была по классическим меркам. Но была в ней какая-то утонченность, что ли. Она перевелась в нашу группу с параллельного потока. Конечно, потоки постоянно пересекались и перемешивались на лекциях и всяких там общественных мероприятиях. Но, откровенно скучая над конспектами в душно натопленных аудиториях, я не замечал ее совершенно. Смотрел и не видел. Пустое место. Но придя к нам в группу, она меня очаровала совершенно. Была в ней легкость и породистость. И некая доля цинизма, которая разбавляла томный образ кисейной барышни. О, Елена умела за себя постоять. Это было не остроумие, а какое-то едкое быстроумие. Свои реплики Елена выцеливала точно, и почти не промахивалась. Стерва? Без всякого сомнения, но все это маскировалось такой хрупкой женственностью, что я просто балдел. Опущу подробности своих ухаживаний, скажу только, что был я совсем не оригинален. То ли фраер, то ли джентльмен. Елена меня искушала и утекала, как вода сквозь пальцы. Мучила она меня ужасно. Я и не подозревал в своей душе таких пылких эмоций. Весной Валет должен был приехать на день рождения отца. Я желал и боялся этой встречи. Разумеется, из-за Елены. Скрывать их друг от друга не имело смысла. Они оба были дороги мне в разных плоскостях. Фу ты, пошлости какие. Нет, не то, чтобы я ожидал какой-нибудь подлости от Вальта, не в коей мере. В Вальте-то я как раз был уверен. А вот Елена… Не знаю любил ли я ее тогда, но влюблен был очень сильно. Увяз по уши. Не то, чтобы она была влюбчива или там ветрена, но силу обаяния Вальта я знал. Может, вы ждете некоего любовного треугольника? Теперь я думаю, что было б лучше, если бы вышло так.

Валет приехал, а я так ничего и не решил – как? что? чего? Ну и нырнул как в омут с головой – пойдем, мол, в кафе, познакомлю с девушкой. Елена была ослепительна в белом свитере, с маленькими жемчужинками в ушах. Коварная, она знала о встрече с Вальтом и решила явиться во всеоружии. Совершенно не помню, о чем мы тогда говорили, Валет что-то рассказывал, мы смеялись, как одержимые. Валет держался молодцом – ни одного похабного анекдота или там шутки ниже пояса – все чинно-благородно. Но он мог вообще ничего не говорить энергия просто перла из него, обволакивала капроновым жгутом. Харизма! Елена глаз с него не сводила, а мне кусок не лез в горло, даже вино проскакивало, не замутняя рассудок, столько адреналина в крови бродило. Но видел, все видел хитрый Валет. Несколько раз он порывался уйти, и, честно сказать, я не возражал. Но Елена обиженно надувала губки и бросала такие реплики, после которых уйти было просто невозможно.

И все-таки Валет поднялся, но тут она его пригласила танцевать. Она – Его! Я тихо сходил с ума и готов был лопнуть от злости. Они медленно покачивались в обнимку, Елена смеялась. Я уже готов был капитулировать, да, просто плюнуть на все и уйти. Ведь с самого начала было ясно, чем кончится эта встреча. Они всегда уходили от меня к нему. Всегда. Я уже начал вставать, когда что-то случилось. Да, я прекрасно помню, Елена что-то сказала Вальту с похабной такой улыбочкой, ей уже было неважно, как она выглядит со стороны. Валет ей что-то

ответил. И тут лицо Елены стало меняться. Нет, она не то, чтобы побледнела, но как-то закаменела лицом. А потом дала Вальту по морде. От души так, размахнувшись с плеча. Валет хотел что-то ответить, но не успел. Елена промчалась мимо изумленной публики к выходу. Я как-то обалдел, поэтому кинулся вдогонку не сразу – она уже садилась в такси на противоположной стороне улицы.

Я вернулся в кафе. Валет осанисто сидел за столиком, на его щеке горел красный след.

– Выйдем, Валет… – мрачно предложил я.

– Егор… – начал он.

– Выйдем, мать твою! – заорал я.

– Ладно, – Валет поднялся.

На улице грязный мартовский снег лежал свалявшимися куцыми кучами.

– И дальше что? – спросил Валет.

Но я не ответил, а сразу врезал ему кулаком в челюсть. Валет как-то растерялся, взглянул недоуменно, поэтому пропустил еще один удар. Но через мгновение уже меня слегка нокаутировало слева. Я дрался как сумасшедший, да, наверное, я тогда все-таки слетел слегка с катушек. Я не замечал, что Валет не включает боевой комплекс дзюдо, а наоборот, уклоняясь, лишь пытается перехватить мои руки. Я лупил его и матерился, как истеричный дурак. И тут Валет, поскользнувшись, шлепнулся на землю. Но даже это меня не остановило. Повторяю, я был невменяем. Несколько раз я врезал ему ногами. Да, я бил ногами упавшего Вальта. Недолго, правда. Он сделал мне подсечку и скрутил, навалившись сверху. Вообще, это была не драка, а какая-то глупая потасовка.

– Ты, что, Егор, ох..ел? – спросил он, тяжело дыша мне в лицо.

Я еще немного потрепыхался, но уже остыл.

Потом мы сидели на снегу, привалившись друг к другу плечами. У меня из носа капала кровь, у Вальта на правом глазу наливался роскошный фингал. Из двух пачек сигарет уцелела лишь одна штука, и мы курили ее, одну на двоих, затягиваясь судорожно и торопливо.

– Любишь ее? – спросил Валет.

Я отер кровь и тупо посмотрел на ладонь:

– Нет.

– Нет?

– Я на ней женюсь.

– А… – вроде бы понял Валет.

Я действительно женился на Елене. Не буду рассказывать, как тягостно мы мирились, и как долго я ее уламывал, это неинтересно. Однако, определив дату свадьбы, она поставила вопрос ребром:

– Чтоб Валерки не было.

– Ты что, Ален, он мой лучший друг и вообще…

– Егор, ты слышал что я сказала.

– Ален…

– Нет.

Я всегда ей уступал, но тут уперся, Поссорились мы круто, до истерик. И все же я пригласил Вальта, ну не мог я его не позвать. Я, собственно, позвал его еще раньше, он и приехал ко мне на свадьбу, а тут, блин, война и немцы. Но Валет на месте разобрался оперативно. Как он понял из моих недомолвок, не знаю. Но накануне свадьбы позвонил мне:

– Слушай, Егор, ты не обижайся, салатику поедим в другой раз У меня тут отец заболел, в общем, не могу присутствовать. Ну, и как там говорится: «Горько!»

Не успел я ничего сказать, он повесил трубку. Отец заболел, ну да… Чтобы Леонтий заболел, ну это я не знаю… На моей памяти он даже не чихнул ни разу. Все я оценил – и такт Вальта, и его прозорливость.

Что ж, день моей свадьбы был ничем не омрачен, Елена была довольна. Я тоже был доволен. Почти. Наивный, я и предположить не мог, что долгое время мне предстоит метаться между дорогих людей. Елена строила козни против Вальта тонко и безжалостно. Валет всегда очень холодно и подчеркнуто вежливо справлялся о здоровье моей супруги. А я разрывался на части. Это кому сказать, полный аллее капут! Какой там, блин, любовный треугольник? Так и не сказала мне Елена, из-за чего дала Вальту по морде, он тоже молчал. Но, сдается мне, я и сам об этом догадался.

Родители Елены подарили нам однокомнатную квартиру, мои – «восьмерку», так что наша молодая семья была полностью упакована. Однако, проблемы были и еще какие. Избалованные мальчик и девочка пытаются жить вместе. Класс. Черт его знает, почему мы не разбежались в первый же год. Впрочем Елена, с ее гордостью, не пошла бы на развод. У нее просто установка была на успех, а развод – это, извините, против принципов. Удар по престижу. А потом все как-то притерпелось, покатилось. Елена оказалась прекрасной хозяйкой. Эта ее ненавязчивая напористость проявлялась везде – в институте, в постели, в быту. И, черт возьми, мне это начинало нравиться. Вот этот конкретный деловой подход. Я с самого начала знал, что она стерва, но и любил ее за это, а может быть, даже только за это.

Вопросов у меня было много, а ответов мало. Это Валет интересовался только вопросами: «Зачем?» и «Что дальше?» И очень удачно использовал эти суженные рамки.

Я не думал, что Валет так быстро остепенится. Вообще, Валет как-то не очень вписывался в рамки брака. Свободный художник – да, бродяга – да, боец – да, примерный муж – сомнительно. То есть, по моральным принципам, на роль примерного отца семейства Валет подходил идеально. Вопросы семейного бюджета Валет так же решил бы с честью. Он умел заботиться не только о себе. Однако, для его широкой натуры пространства «ячейки общества» было мало. И все же в конце пятого курса Валет женился на девочке из Тверской области, которая в Питере получала специальность экономиста. Жену Вальта я увидел только у него на свадьбе. Сказать красивая – ничего не сказать. У нее были яркая и экзотическая внешность. Тонко выписанное породистое лицо, темные глубокие глаза, черные тяжелые волосы. А фигура… У нее было редкое имя – Варвара.. С внешностью королевы, она как бы не вполне осознавала свою красоту, поэтому держалась просто, скромно, не жеманясь. Мне она сразу понравилась. А вот Елена просто бесилась и шептана мне в ухо, сужая глаза:

– Ну, нашел твой Валет какую-то цыганку-провинциалку!

Внешне Елена явно проигрывала Валеркиной Варваре, поэтому злилась. И еще мне показалось, что она ревновала Вальта. Да-да, похоже, она все еще его хотела.

Моему приезду Валет обрадовался необыкновенно:

– Здорово, пресса!

– Здравия желаю, медицина!

Свадьба была веселой, шумной и пьяной. Народу тьма. Множество Валеркиных друзей, преподавателей – таких классических военных с аккуратными прическами, выправкой и все такое. Валет развлекал все сборище не хуже заправского тамады. Елена после наших интеллигентных тусовок чувствовала себя неуютно, а я, заразившись хмельным весельем, смеялся и болтал громче всех. Подсел к Вальту:

– Как дальше думаешь, Валет?

– Ребята комнату помогли снять.

– Комнату… – неуверенно протянул я, думая о нашей однокомнатной квартире, которая нам с Еленой, в общем-то, упала с неба. Валет уловил мое напряжение:

– Комнату… так это… Варвара беременна.

Я офигел:

– Ну да!?

– Так точно.

– Ну, ты, Валет, это… силен…

Валерка подмигнул:

– Знай наших!

– А потом? Вот кончишь свою академию, и куда? В Питере останешься?

– Это уж, Жора, куда Родина пошлет! – расхохотался Валет.

– А Варвара?

– Со мной.

– И поедет? – опять удивился я.

– А то.

Мы выпили. Я смотрел на черноволосую красавицу Варвару, на Вальта – красивая пара. И все-таки как-то не подходили они друг другу. Слишком уж оба яркие, светящиеся. Слишком уж оба лидеры, что ли. Валет перехватил мой взгляд:

– Нравится?

– Ты, Валет, такой жены не заслужил.

Он усмехнулся:

– Бился насмерть. Такие парни на Варьку облизывались, ой, блин! Давай-ка, Егор, накатим беленькой за наше с Варей счастье, да за будущего первенца.

– Чего? – вытаращился я.

– А ты как думал, батенька? Детей у нас будет много.

– А Варвара-то в курсе твоих планов?

– Ну, не все сразу.

Из Питера я уезжал в отличном настроении и с легкой завистью в сердце. Молодец все-таки Валет, ух, молодец.

Моя профессия все больше меня захватывала. Все эти очерки, лихие словесные обороты, меткие фразы. Я вовсю ощущал себя этаким заправским журналистом. Пытался даже брать интервью у грязных рокеров, которые, по большому счету, тянули на низкосортных наркоманов. И все равно, я чувствовал свое призвание, мне нравилась шумная тусовка «акул пера». Отгремели госэкзамены, и мы с Еленой получили картонные прямоугольники дипломов об окончании журфака МГУ. Я – синий, Елена – красный. Вообще, если смотреть в перспективу, у Елены было гораздо больше шансов, и ей прочили отличное будущее. Ее очерки сочились искрометным и ядовитым юмором, как отравленным медом. Мои же отличались расхлябанностью и сумбурностью. Разумеется, по окончании университета ей предложили работу аж в трех издательствах. Я остался за бортом, перебиваясь копеечными заработками, строча заметки в десять строк, и ревностно следил за ее успехами.

У Вальта родился сын, Иван. Валет прислал мне фотографию, поскольку они с Варварой уже не жили в Питере. Валет проходил практику где-то в гарнизоне под Нижним Новгородом, то ли в санчасти, то ли в военном госпитале.

Иногда он звонил и радостно кричал по телефону, как растет его Ванька. У меня его рассказы вызывали радость, но и приступы черной меланхолии. У нас с Еленой детей даже не намечалось. Елена была четко ориентирована на карьеру. А я… Расклад был такой – надо. Ну, типа, семья, дети-плети. На самом деле, я и сам вороват – оттягивал этот момент, поскольку, как говорится, не любил и не хотел закрывать тему. То есть, мне казалось, что вот сейчас я просто проживаю некий этап, потом будет другой, более удачный. У меня была Елена, я ее любил, двух мнений на этот счет быть не может. Однако, где-то очень глубоко в подсознании, все же считал, что этот вариант не окончательный. Что, вроде как, я достоин лучшего. То же и работа. Конечно, я надеялся, если не на Пулитцеровскую премию, то где-то близко. Юношеский максимализм, мать его. И конечно, мне казалось, что все эти перемены произойдут сами собой, а мое участие будет опосредованным. Приду и соберу манну небесную. Как же стыдился я этих подлых мыслишек, как боялся их. Ну, и красной нитью тут проходила

и другая фишка – боязнь ответственности. Елена была вполне самостоятельна, а вот ребенок… Такой расклад устраивал нас обоих. Правда, до поры до времени. Тем более, что наши предки с обеих сторон наседали, желая получить внуков немедленно, желательно пару-тройку. Моя мать напирала на медицинские показатели, Ленкин отец просто требовал немедленного продолжения рода. Мы держались стойко. Наступила осень. Сыпали мелкие серые дождички. Было холодно и неуютно. Шпиль университета терялся в тумане. А без шпиля МГУ выглядел как всадник без головы. Москва хандрила. Валет приехал неожиданно, как снег на голову. Прибыл со всем семейством. Варвара похорошела необыкновенно, распустившись буйным цветом материнства. Гордый Валет в довольно потертой форме старлея держал на руках крошечного Ваньку. У ярких темноволосых Валерки и Вари мальчик получился беленький и нежный, как снежинка. Они зашли к нам ненадолго, и Елена приняла их холодновато, но довольно сносно. Обстановка была напряженной, и я, кивнув Вальту на Елену, предложил ему встретиться вечерком и посидеть, так сказать, без баб. Валет ухмыльнулся. Не мудрствуя лукаво, устроились в той же «Ксюше», которая не только уцелела, но и здорово раскрутилась. Это вам, господа, не обшарпанные банкетки, да растворимый кофе в пластиковых стаканчиках. Дубовые столы, ковровые дорожки, да официанты в белых рубашках. Налили по первой, Валет закурил:

– Как живешь, Жора?

Хотел я сказать Вальту, что, мол, все хорошо, нормально или там – потянет, да это было неправдой.

– Да, черт его знает. Работы стоящей нет, семьи по сути тоже, как-то мы каждый по себе с Еленой.

– А дети?

– Елена не хочет.

– А ты?

Я сделал неопределенный жест, но Валет истолковал его по-своему:

– Какого тебе рожна надо, Жора? Квартира, машина, Москва? Живи да размножайся. Я рассмеялся:

– Как у тебя, Валет, все просто.

– Ну да, у меня просто, а у тебя, блин, с моста.

– Как сам?

– А… гоняют как вшивого по бане – то стрельбы, то построение, то в госпитале ночные дежурства, то Ванька болеет – голова кругом. Эх, Жора, зря я надел эти погоны, и не сковырнешь, – неожиданно заключил он.

– Не понял? – обалдел я. Вальту погоны не просто шли, по моему мнению, именно Валет, ну или такие как Валет могли поднять престиж российской армии.

– Ну какой из меня военный, Жора?

– По-моему, в самый раз.

Валет меня не слышал:

– Нет, не то, чтобы я не тяну физически, – он расправил широкие плечи, – или там как еще. Но все эти уставы, кодексы чести, блин, дерьмо полное, одна вывеска. Глупый пафос и дешевый патриотизм. В гарнизоне быдло – пьянство, блядство. Попадаются такие отморозки… Есть, конечно, и стоящие мужики…

– Такие, как ты, – нагло вставил я, чтобы оборвать тягостное настроение Вальта.

– Дурак, – бросил он.

– Что-то ты киснешь, Валет. Бросай тогда это дело.

Валет выпустил дым:

– Поздняк метаться. Да и потом, я теперь в такой замазке. Военный госпиталь, где у меня сейчас практика, оттуда так просто не уходят. Пайковые… да звезды новые скоро замаячат. Затягивает.

– Ну, а медицина?

Валет присвистнул:

– Это – мое. Насчет призвания не скажу, но это – мое. Знаешь анекдот, как один хирург оперировал одного генерала… – он хитро прищурился.

Я уже ржал как одержимый – анекдот я знал, но Валет смотрел таким незамутненным взглядом, такой он был Тот. Тот задорный остряк из моего детства, что я просто не мог удержаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.